

К истории становления научной ботанической школы Московского университета (1804—1863)

Кирилл Голиков

**On the history of formation of the scientific Botanical school
of the Moscow University (1804—1863)**

Kirill Golikov

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870008279-7

В 2020 г. исполняется 265 лет со дня основания Московского университета, 215 — вхождения в его состав Ботанического сада (Сад) и 260 — со дня рождения его первого директора Георга-Франца (в России — Григория Фёдоровича) Гофмана (1760—1826). Он инициировал приобретение университетом Сада (1805) и стал основателем московской научной ботанической школы. Приехав в 1804 г. в Россию для работы в Московском университете, Гофман «положил начало постоянному систематическому ботаническому образованию в Москве, из которого выросла вся московская ботаника во всё её нынешнем многообразии»¹. Таким образом, история Ботанического сада — часть общей проблемы становления отечественных научных школ, в том числе Московского университета.

Задача статьи — проследить основные направления деятельности Ботанического сада Московского университета в 1804—1863 гг., поскольку именно в этот период развитие Сада было тесно связано со становлением кафедры ботаники — от её учреждения в 1804 г. до разделения на две кафедры в 1863 г.² Таким образом, это позволяет выявить основные этапы становления научной ботанической школы Московского университета; проследить особенности этих этапов, выявить вклад данной научной школы в развитие исследовательского направления.

Становление и институционализация ботаники как науки в России относятся к первым десятилетиям XVIII в. и связаны с открытием Академии наук в Петербурге (1725), имевшим важное цивилизационное и политическое значение — утверждение выхода России на уровень развитых европейских стран. Отечественная Академия хотя и ориентировалась на западноевропейские образцы, не копировала их, поскольку изначально создавалась как научно-исследовательская организация с государственным финансированием, тогда как

© 2020 г. К.А. Голиков

¹ Тимонин А.К., Новиков В.С. Предисловие // XII Московское совещание по филогении растений, посвящённое 250-летию со дня рождения Георга-Франца Гофмана. Материалы (Москва, 2—7 февраля 2010 г.). М., 2010. С. 15.

² Ботанический сад Биологического факультета Московского университета. 1706—2011: первому научному ботаническому учреждению России 305 лет. М., 2012. С. 7—22.

многие западноевропейские общественные или частные Академии существовали на пожертвования и занимались преимущественно подведением результатов научных исследований, выполненных в университетах³.

Развитие отечественной ботанической науки от её возникновения в начале XVIII в. до 1860-х гг. — особый завершённый период⁴. Экономическое развитие страны диктовало необходимость изучения её ресурсов, в том числе растительных, что было связано в первую очередь с потребностями медицины. С целью выращивания лекарственных растений в XVIII в. создавались «аптекарские огороды»: в Москве (1706), Петербурге (1714), Астрахани (1720), Тобольске (1763), аптекарский сад в Лубнах (1707). В 1735 г. в Петербурге был основан Ботанический сад при Академии наук, просуществовавший до 1812 г. Его директором-организатором стал швейцарский ботаник и врач И. Амман (член Лондонского Королевского общества, с 1733 г. — профессор ботаники и натуральной истории Петербургской академии наук).

Развитие естествознания от эпохи Возрождения до середины XIX в., по классификации Ф. Энгельса — метафизический этап, для которого характерно представление о неизменяемости природы⁵. Его рубежной вехой в биологии стал выход в свет основополагающего труда Ч. Дарвина⁶, сформулировавшего теорию биологической эволюции. Важной предпосылкой её создания была клеточная теория, предложенная в 1838—1839 гг. немецкими биологами — физиологом Т. Шванном и ботаником М. Шлейденем.

До конца XVIII в. ботанике как составной части естествознания свойственны накопление эмпирического материала и, следовательно, флористические исследования; закономерно преобладание в этот период описательного метода. В результате экспедиций в разные регионы России, активными участниками которых являлись не столько профессиональные ботаники, сколько натуралисты широкого профиля, создавалась научная ботаническая база (сбор, описание и определение растений, комплектование гербариев).

В первой половине XIX в. акцент в исследованиях переносится на систематизацию накопленных фактов. «Если до конца прошлого столетия, — отмечал Энгельс, — естествознание было преимущественно собирающей наукой о законченных предметах, то в нашем веке оно стало в сущности упорядочивающей наукой, наукой о процессах, о происхождении и развитии этих предметов и о связи, соединяющей эти процессы природы в одно великое целое»⁷. Соответственно, ведущими направлениями в биологии стали систематика и морфология. При этом на основе новых методов (экспериментального, сравнительного, онтогенетического) возникли сравнительная и микроскопическая анатомия, физиология, эмбриология, биогеография и палеонтология.

В Московском университете в первой половине XIX в. в различных областях естествознания уже проводились крупные самостоятельные исследования.

³ Алексеева Е.В. Европейский вклад в становление и развитие российской науки (XVIII—XIX вв.) // Вестник ДВО РАН. 2007. № 3. С. 127—136.

⁴ Шербакова А.А. История ботаники в России до 60-х гг. XIX в. (додарвиновский период). Новосибирск, 1979.

⁵ Кедров Б.М. Энгельс и естествознание. М., 1947.

⁶ Darwin C. On the Origin of Species by Means of Natural Selection, or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life. L., 1859; см. также: Дарвин Ч. Происхождения видов путём естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь. СПб., 1991.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 21. М., 1961. С. 303.

Так, М.Ф. Спасский основал российскую школу климатологии, К.Ф. Рулье — единственную в мире додарвиновскую школу биологов-эволюционистов. Были опубликованы первые оригинальные отечественные университетские учебники (Н.Е. Зернова и Н.Д. Брашмана — по дифференциальному исчислению, статике и гидростатике; Д.М. Перевощикова — по астрономии; А.М. Филомафитского — по физиологии)⁸. Среди формировавшихся научных школ важное место заняла и ботаническая.

В последнее время отмечается тенденция к интеграции научного знания⁹, и Ботанический сад Московского университета вписывается в современный тренд. Сегодня это учебная и научно-исследовательская база биологического факультета МГУ, расположенная на двух территориях: на Воробьёвых горах (площадью более 30 га) и в филиале «Аптекарский огород» на Проспекте Мира (более 6 га) — исторической части Сада. Решением Исполкома Моссовета № 20/8 от 31 мая 1973 г.¹⁰ филиалу Ботанического сада МГУ был присвоен статус «Памятник истории и культуры г. Москвы»¹¹.

В процессе развития ботанических садов как социокультурного явления не только менялись их функциональное назначение, архитектурно-планировочная структура, экспозиционные принципы, но и диверсифицировались направления научных исследований, образовательной и культурно-просветительской работы. Проведённый рядом авторов¹² анализ более ста ботанических садов разных стран показал трансформацию их социальных функций за последние три века (1700—2009): от монастырских и «аптекарских» огородов до современных университетских и академических объектов и публичных мультидисциплинарных комплексов.

Ботанические сады старых университетских центров Европы имеют в основном учебно-вспомогательное значение. При этом своеобразие каждого из них обусловлено формированием и деятельностью в конкретных историко-культурных и природно-географических условиях. В то же время университетским ботаническим садам как комплексным объектам с культурно-просветительской, научно-исследовательской и учебно-образовательной функциями присущи общие закономерности, что позволяет рассматривать их по совокупности аспектов: ботанического, географического, исторического, культурологического, философского и личностного.

Облик университетских ботанических садов определяют: основные направления научной, учебной и культурно-просветительской деятельности (интродукционных исследований, природоохранной и селекционной работы); принципы формирования, объём и структура (таксономическая, биоморфологическая, ботанико-географическая) коллекционного фонда; ландшафтно-плани-

⁸ История Московского университета. Т. I / Отв. ред. М.Н. Тихомиров. М., 1955. С. 129—184.

⁹ Андреев А.Л., Бутырин П.А. Технонаука как инновационный социальный проект // Вестник Российской Академии наук. Т. 81. 2011. № 3. С. 197—203.

¹⁰ Все даты до февраля 1917 г. даны по старому стилю.

¹¹ Ботанический сад Московского университета. 1706—2006: первое научное ботаническое учреждение России / Под ред. В.С. Новикова, М.Г. Пименова, К.В. Киселёвой, В.Е. Гохмана, А.Ю. Паршина. М., 2006. С. 23.

¹² Кузеванов В.Я., Сизых С.В., Губий Е.В. Ботанические сады как экологические ресурсы в глобальной системе социальных координат // Экономические и экологические проблемы в меняющемся мире. СПб., 2010. С. 158—167.

ровочное решение территории и принципы организации экспозиций; наконец, замысел их создателей.

Более чем трёхвековая история Ботанического сада Московского университета неразрывно связана с историей страны. Сад возник на базе «Московского аптекарского огорода», заложенного в 1706 г. в контексте проводимой Петром I политики модернизации¹³, как вспомогательное медицинское учреждение Главной городской аптеки. Впоследствии он стал ботаническим садом Медико-хирургического училища (с 1798 г. — Медико-хирургической академии). «Московский университетский Ботанический сад, — писал в 1839 г. А.Г. Фишер фон Вальдгейм, возглавлявший его в 1834—1865 гг., — впервые рассажен был в царствование императора Петра I с целью воспитания лекарственных растений и принадлежал тогда медицинской коллегии, во владении которой, при всех последующих её преобразованиях, оставался до приобретения оного для Московского университета»¹⁴ в 1805 г.

Место кафедры ботаники в структуре университета неоднократно менялось. В 1804 г. её создание на отделении (факультете) физических и математических наук стало важной вехой в истории отечественного ботанического образования¹⁵. Впоследствии она вошла в состав второго (физико-математического) отделения философского факультета (1835—1850), а затем — физико-математического факультета (1850—1863). В 1863 г. на нём было создано отделение естественных наук с двумя ботаническими кафедрами: морфологии и систематики растений; анатомии и физиологии растений.

Специализация обучения стала закономерным следствием растущей дифференциации научных знаний, что нашло отражение и в университетских уставах. Именно этими законодательными актами регламентировалась деятельность университетов в Российской империи, определялись их статус и организация. Первые университеты основывались в России в интересах государства и по его инициативе, следуя всем течениям и веяниям в направлении внутренней политики Русского государства¹⁶.

Во многих общественно-педагогических начинаниях России в XVIII в. нашли отражение рекомендации Г.В. Лейбница — немецкого философа, логика и математика, основателя и первого президента Берлинской Академии наук, предлагавшего организовать в России университеты по образцу западноевропейских¹⁷. Он подчёркивал важность создания наряду с библиотеками, музеями по естественной истории и по искусствам, обсерваторий и лабораторий, также зоологических и ботанических садов, причём «необходимо так устроить их,

¹³ См.: Голиков К.А. Социокультурный аспект модернизации России в XVIII—XXI вв.: от аптекарского огорода до Ботанического сада Московского университета // Вопросы истории. 2019. № 12 (1). С. 180—194.

¹⁴ ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 8, д. 4, л. 10.

¹⁵ Калинин И.М. Роль Московского университета в развитии и совершенствовании высшего ботанического образования в России // Вестник Московского университета. Сер. 16. Биология. 2005. № 2. С. 54—59.

¹⁶ Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования, 1804—1904. Т. 1. Ч. 1. Казань, 1902. С. XIV—XV.

¹⁷ Смагина Г.И. Немецкие образовательные идеи и российская школа XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи / Отв. сост. А.В. Доронин. М., 2008. С. 205—220.

чтобы они служили не только предметом общего любопытства, но и средствами для усовершенствования художеств и наук»¹⁸.

Согласно «Проекту о учреждении Московского университета», подготовленному М.В. Ломоносовым, гр. И.И. Шуваловым и утверждённому императрицей Елизаветой Петровной 12 января 1755 г., университет состоял из трёх факультетов: философского, юридического и медицинского. В штате последнего, наряду с профессорами анатомии и химии, состоял доктор и профессор натуральной истории, который должен был на лекциях «показывать разные роды минералов, трав и животных»¹⁹.

В контексте административной реформы манифестом Александра I «Об учреждении министерств» от 8 сентября 1802 г. было создано Министерство народного просвещения, к ведению которого относились в том числе: собрания редкостей, натуральные кабинеты (кабинеты натуральной истории), музеи и школы всех типов. В ходе реформы образования указом Александра I от 24 января 1803 г. «Об учреждении учебных округов, с назначением для каждого особых губерний» создавались первые шесть: Московский, Санкт-Петербургский, Виленский, Дерптский, Харьковский и Казанский²⁰. Согласно утверждённому тогда же «Предварительным правилам народного просвещения», учебные округа составлялись из «нескольких соседственных губерний, сходствующих между собою в местных обстоятельствах»²¹.

Орган территориального управления системой образования в каждом округе стал императорский университет. 12 декабря 1802 г. Александр I утвердил «Акт постановления для Императорского университета в Дерпте», 4 апреля 1803 г. — «Акт утверждения для Императорского университета в Вильне», а 5 ноября 1804 г. — Устав Московского университета²² — первый полноценный Университетский устав, ставший типовым для российских университетов²³. Одновременно были утверждены уставы создававшихся Казанского и Харьковского университетов, а 4 января 1824 г. был введён в действие «изменённый по обстоятельствам» Устав Московского университета для Санкт-Петербургского университета.

В университетах учреждались четыре отделения: нравственных и политических наук; словесных наук; физических и математических наук; врачебных или медицинских наук (уставы Дерптского и Виленского университетов, а позднее и Университета Св. Владимира в Киеве имели ряд особенностей). Среди 28 кафедр Московского университета, каждую из которых занимал учёный в должности ординарного профессора, на отделении физических и математических наук впервые была учреждена кафедра ботаники.

¹⁸ Проект Черновой записки, составленной Лейбницем о введении образования в России // Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. СПб., 1873. С. 95—99 (на нем. языке). Русский перевод см.: *Герье В.И.* Лейбниц и его век. СПб., 2008. С. 648—650.

¹⁹ Проект об учреждении Московского университета (12 января 1755). Отдел редких книг и рукописей НБ МГУ; Летопись Московского университета (URL: <http://letopis.msu.ru/documents/270> (дата обращения: 29.11.2018)).

²⁰ ПСЗ-I. Т. 27. № 20598. С. 442.

²¹ Предварительные правила народного просвещения // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1864. Стб. 15.

²² ПСЗ-I. Т. 28. № 21498. С. 570—589.

²³ *Петров Ф.А.* Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. Кн. 1—2. М., 1998.

В последующем в XIX в. трижды утверждался «Общий устав императорских российских университетов», определявший их учебно-организационную структуру и принципы управления. Согласно первому, подписанному Николаем I 26 июля 1835 г.²⁴, Санкт-Петербургский, Московский, Харьковский и Казанский университеты имели в составе три факультета: юридический, медицинский и философский. Последний состоял из двух отделений — словесного и физико-математического, которые позднее (1850) были преобразованы в историко-филологический и физико-математический факультеты²⁵.

По Уставу 1835 г. Ботанический сад и Ботанический кабинет относились к «учебным и вспомогательным пособиям и заведениям» Московского университета наряду с библиотекой, астрономической обсерваторией, химической и фармацевтической лабораторией, физическим, минералогическим, зоологическим, технологическим кабинетами, собраниями: машин и моделей для прикладной математики, архитектурных моделей, собранием для рисовальной школы, музеем изящных искусств и древностей, анатомическим и зоотомическим театрами и собраниями препаратов, фармакологическим собранием, собраниями хирургических и акушерских инструментов, медицинским и хирургическим клиническими институтами, повивальным институтом, практическим ветеринарным заведением и манежем.

Последующими общими уставами — 1863 г. и 1884 г. — закреплялось деление университетов на четыре факультета (хотя из этого правила имелись исключения: например, в Санкт-Петербургском университете в 1854 г. также был учреждён факультет восточных языков). В ходе реформ Александра II 18 июня 1863 г. было реорганизовано Министерство народного просвещения, и утверждён второй общий университетский устав²⁶ (для Санкт-Петербургского, Московского, Харьковского, Казанского университетов и Университета Св. Владимира в Киеве). Согласно новому уставу факультеты «по усмотрению университетского Совета и с утверждения министра народного просвещения могут быть разделяемы на отделения».

Так, по Уставу 1863 г. на физико-математическом факультете Московского университета были созданы отделения математических и естественных наук. В состав последнего вошли и две кафедры ботаники. Ботанический сад с оранжереями и теплицами, как и Ботанический кабинет с рабочими комнатами для практических занятий студентов, по-прежнему относились к учебно-вспомогательным учреждениям университета.

Третий общий университетский устав, утверждённый Александром III 23 августа 1884 г., касался Санкт-Петербургского, Московского, Харьковского, Казанского, Новороссийского в Одессе университетов и Университета Св. Владимира. Ботанический сад Московского университета по Уставу 1884 г., как и многие другие «учебно-вспомогательные установления и коллекции», поручался «заведованию тех профессоров, к предметам преподавания которых они относятся»²⁷.

²⁴ ПСЗ-II. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1836. № 8337. С. 841—855; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. I. СПб., 1864. С. 742—769.

²⁵ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. II. СПб., 1876. С. 1133—1134.

²⁶ ПСЗ-II. Т. 38. Отд. 1. СПб., 1866. № 39752. С. 621—637.

²⁷ ПСЗ-III. Т. 4. СПб., 1887. № 2404. С. 456—474.

Как правило, университетский Ботанический сад возглавлял ординарный профессор (заведующий) кафедры ботаники. В рассматриваемый период директорами Сада были: Г.-Ф. Гофман (1805—1826), М.А. Максимович (1826—1834), А.Г. Фишер фон Вальдгейм (1834—1865)²⁸. Облик Сада и направление его научных исследований во многом определил Гофман — известный ботаник, систематик растений, доктор медицины, профессор Эрлангенского (1787—1792) и Гёттингенского университетов Германии, где он более десяти лет (1792—1803) возглавлял кафедру ботаники и Ботанический сад²⁹.

В биографии Гофмана (как и других людей, живших в двух языковых и национальных средах) инокультурный период, как правило, изучен слабо: в Германии мало известно о его жизни в России, и наоборот³⁰. Характерно, что библиографические списки, помещённые в наиболее авторитетной русскоязычной биографии Гофмана³¹ и в современном немецкоязычном биографическом очерке³², не пересекаются.

Поскольку Московский университет был организован по образцу западноевропейского (преимущественно — германского), в 1804 г. по приглашению тогдашнего попечителя М.Н. Муравьёва (1803—1807) приехали и другие немецкие учёные³³. Существенное влияние на выбор персоналий оказал профессор философии Гёттингенского университета К. Майнерс (Ch. Meiners)³⁴. Благодаря его связям с Гёттингенским университетом в 1802—1812 гг. там учились около двух десятков студентов Московского университета и Санкт-Петербургского педагогического института (среди них — будущие учителя А.С. Пушкина в Царскосельском лицее А.П. Куницын, Я.И. Карцов и И.К. Кайданов); а среди профессоров Московского университета «призыва 1804 г.» около половины составляли иностранные.

Вместе с Гофманом из Гёттингена в Московский университет (на отделение словесных наук) приехали Г.М.Г. Грелльман, занявший кафедру всеобщей истории, географии и статистики, и И.Т. Буле, ставший ординарным профессором кафедры теории изящных искусств и археологии (впоследствии декан отделения словесных наук). На отделении физических и математических наук кафедру наблюдательной астрономии возглавил приглашённый из Лейпцига Фридрих Гольдбах, сын которого — ботаник Лев Фёдорович Гольдбах (1793—1824), ученик Гофмана — за столь непродолжительную жизнь успел собрать

²⁸ Тимонин А.К. Два века кафедры высших растений Московского университета // Бюллетень МОИП. Отдел биологический. Т. 109. 2004. Вып. 6. С. 6—17.

²⁹ Липшиц С.Ю. Профессор ботаники Московского университета, один из основателей Московского общества испытателей природы Георг Франц Гофман (1760—1826) и его ученик Л.Ф. Гольдбах (1793—1824). М., 1940.

³⁰ Леонов М.В. О малоизвестных источниках к биографии Георга-Франца Гофмана (к созданию библиографической базы данных) // XII Московское совещание по филогении растений... С. 21—24.

³¹ Липшиц С.Ю. Профессор ботаники...

³² Wagenitz G. Göttinger Biologen 1737—1945: eine biographisch-bibliographische Liste. Göttingen, 1988.

³³ См.: Кунц Е.В. Иностранные профессора в штате Московского университета в первой трети XIX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002; Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009.

³⁴ Stieda W. Deutsche Gelehrte als Professoren an der Universität Moskau // Abhandlungen der philosophisch-historischen Klasse der sächsischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 40. Leipzig, 1930. Н. 5.

обширную коллекцию растений (около 10 тыс. гербарных листов), которую оставил в дар университету.

«Демидовскую» кафедру натуральной истории (учреждённую на пожертвования Павла Григорьевича Демидова, который сам слушал лекции в Гёттингенском университете, затем в академии во Фрейберге, где учился и М.В. Ломоносов) занял приглашённый из Майнца Готтгельф (Григорий Иванович) Фишер фон Вальдгейм (1771—1853), впоследствии декан отделения физических и математических наук (1828—1830). Он стал директором-основателем Музея натуральной истории Московского университета (1804—1832) и Московского общества испытателей природы (1805—1832)³⁵.

Устав этого старейшего российского научного объединения, целью которого заявлялось «изучение природных богатств и содействие успехам естественных наук в России», был утверждён 27 июля 1805 г. Печатным органом МОИП стали «Записки Московского Общества испытателей природы» (публиковались в 1806—1809 гг. на французском языке), а с 1829 г. — «Бюллетень МОИП», издававшийся вначале на французском, а затем и на русском языках; он выходит до сих пор. Подпись Гофмана, который активно участвовал в деятельности организации, стоит под её уставом вслед за подписью Г. Фишера фон Вальдгейма. Впоследствии Общество возглавил его сын Александр Григорьевич Фишер фон Вальдгейм (1804—1884), избранный президентом МОИП в 1872 г., ученик и зять Гофмана.

Именно по предложению последнего университет в 1805 г. приобрёл Московский аптекарский огород. В трёх письмах, адресованных профессору Майнерсу в Гёттинген, Гофман не только изложил свои впечатления о состоянии ботанической науки в России, но и поделился соображениями относительно организации в Москве Ботанического сада³⁶.

В докладе министра народного просвещения гр. Петра Васильевича Завадовского «О заведении Ботанического сада при Московском университете», который 1 апреля 1805 г. представили Александру I, отмечалось: «Московский университет, имея необходимую надобность в устройении для себя Ботанического сада, нашёл к сему удобным таковой сад прежде бывшей в Москве хирургической Академии, который со всеми его строениями оценён в 11 000 рублей». Но поскольку университет, «имея кроме сего много других потребностей, не может уплатить означенные деньги из ежегодной суммы, по штату ему отпускаемой», министр испрашивал высочайшего повеления об уплате «упомянутых денег из капитала, на учебную часть определённого»³⁷. Одобрение царя было получено.

С 1805 г. по 1826 г. Гофман одновременно руководил кафедрой ботаники и новым университетским садом³⁸. Его «стартовые условия» были весьма скром-

³⁵ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. I. СПб., 1898. С. 59—62; Бюллетень МОИП. Т. 58 (2). 1953. С. 95; Почётные члены Московского университета и научных обществ при нём. 1804—2004. Биографический словарь. М., 2005. С. 611.

³⁶ Stieda W. Op. cit.

³⁷ ПСЗ-I. Т. 28. № 21696. С. 934; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Изд. 2. Т. I. СПб., 1875. С. 409; Шевырёв С.П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755—1855. М., 1855. С. 367—368.

³⁸ Университет уже имел ботанический сад (располагался на Моховой улице и входил с 1785 г. в состав философского факультета), ядром которого были дом, сад и оранжереи кн. А.И. Барятинского. Их приобрела и подарила университету Екатерина II. Однако сад погиб в 1812 г.

ными: «ветхое жилое строение и малая, почти разрушившаяся оранжерея на 8 сажень длины, при весьма незначительном числе аптечных только растений»³⁹. Однако новый директор энергично взялся за дело. При устройстве Сада Гофман использовал новейший европейский опыт организации ботанико-медицинских коллекций.

Два года спустя он подвёл первые итоги своей деятельности: «Я по приписки моём, когда он [сад] был мне поручен, хотя многие нашёл в нём аптекарские растения, но очень мало нужнейшего для ботаники. Тотчас определено было снять план с онаго сада и его обстроить, и я для пользы любителей ботаники, для которых нужно довольно количество иностранных и всякого рода растений, начал при приближении весны обрабатывать его так, как за несколько... пред тем времени поступил я в Гёттингене»⁴⁰. Эти обстоятельства известны из доклада Гофмана, хранящегося в архиве университета Гёттингена, в вышестоящую инстанцию правительства Ганновера, в котором он, сразу после вступления в должность директора тамошнего университетского ботанического сада, описывает его состояние и формулирует программу первоочередных мер⁴¹. Опираясь на свой гёттингенский опыт, Гофман стал действовать и в Москве.

Территория Сада «по правилам искусства 1806 г.» была разделена прямыми аллеями на участки для культивирования не только лекарственных, но также годовичных (т.е. летних) и многолетних растений, представителей как местной, так и иноземной флоры, в том числе альпийской. Коллекция Сада по тем временам была весьма значительной — в её каталоге, изданном Гофманом в начале XIX в., перечислено 3 528 видов растений (из них менее ста собственно лекарственных)⁴². В речи «О ботанических врачебных садах», произнесённой 2 июля 1807 г. при торжественном собрании в Московском университете, Гофман отметил: «Стараясь скорее привести в совершенство наш сад, мы по примеру лучших ботаников, не одним, но многими и различными его желали орошать источниками». При этом директор особо выделил роль отечественных благотворителей — владельцев частных садов П.А. Демидова и гр. А.К. Разумовского — попечителя Московского университета (1807—1810), президента МОИП (1806—1817), министра народного просвещения (1810—1816).

Сад Демидова, основанный в 1756 г. на Воробьёвых горах, поблизости от Донского монастыря, во второй половине XVIII в. являлся крупнейшей частной ботанической коллекцией в России⁴³. В каталоге, составленном самим владельцем в 1786 г., значились 4 363 вида растений, в том числе теплолюбивых;

во время пожара в Москве (*Петров В.А.* Первые этапы развития ботаники в Московском университете // *Учёные записки МГУ. Юбилейная серия. Вып. LIII. Биология.* М., 1940. С. 261—262; *Московские ведомости.* 1785. 11 октября; *Любавский М.К.* Московский университет в 1812 г. // *Академик М.К. Любавский и Московский университет.* М., 2005. С. 12).

³⁹ ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 8, д. 4, л. 10 об.

⁴⁰ *Гофман Г.-Ф.* Речь о ботанических врачебных садах, при торжественном собрании в Императорском Московском университете июля 2 дня 1807 г., говоренная Георгом Францем Гофманом / Пер. Д. Левитским. М., 1807. С. 23.

⁴¹ *Леонов М.В.* О малоизвестных источниках... С. 22.

⁴² *Hoffmann G.F.* Hortus Mosquensis. Enumeratio plantarum et index seminum Horti botanici Mosquensis. М., 1808.

⁴³ См. подробнее: *Паллас П.С.* Каталог растениям, находящимся в Москве в саду его превосходительства действительного статского советника и императорского воспитательного дома знаменитого благодетеля Прокопия Акинфиевича Демидова. Petropoli, 1781.

для их содержания на правом берегу Москвы-реки построили десять оранжерей. Однако после смерти Демидова в 1786 г. сад пришёл в упадок, но часть тепличных растений поступила в коллекцию Московского аптекарского огорода.

Схожая судьба постигла и подмосковный сад Разумовского в Горенках, созданный в 1798 г. и просуществовавший около четверти века⁴⁴. После смерти Разумовского в 1822 г. его наследники ликвидировали коллекцию, которая к началу 1820-х гг. насчитывала до 9 тыс. видов растений⁴⁵, а общая длина оранжерей составляла около 1,5 км⁴⁶. Сад Разумовского в Горенках явился прототипом Санкт-Петербургского ботанического сада и первым в России, имевшим научное значение: на базе его оранжерейных фондов было написано несколько монографий о представителях тропической флоры⁴⁷. В 1809 г. здесь, впервые в Европе, зацвела ваниль, а специальное хранилище семян включало поступления из Юго-Восточной Азии и Южной Америки.

В том же году в усадьбе было организовано «Фитографическое общество в Горенках» — первое в России научное объединение ботаников, в которое приглашались «все прилежные исследователи сей занимательной науки» с целью «расширить полезный круг их действия... и распространить... теснейшие связи с ботаниками всех стран света». Тогда же была издана программа общества⁴⁸. За время недолгого существования общество внесло особый вклад в изучение флоры Московского региона. В 1811 г. его объединили с МОИП, президентом которого в 1806—1817 гг. являлся владелец усадьбы.

Гофман с уважением отметил, что Разумовский «снабдил наш сад семенами редчайших, как здешних, так и иностранных растений, коими украшается его дом и сад Горенки», который «пред всеми европейскими частными садами заслуживает преимущество и даже в иностранных землях очень известен». В результате, подчёркивал Гофман, университетский сад «даже превосходит славный Лейденский сад... и Гёттингенский»⁴⁹.

На базе солидных коллекций Сада Гофман как профессор Московского университета в дополнение к теоретическим лекциям по ботанике и «врачебному вещевословию» (фармакологии) проводил для студентов специализированные экскурсии. Например, в аннотации к расписанию занятий на 1823/24 учебный год указывалось, что Гофман «будет читать “Ботанику”... а летом в те же дни от 6 до 9 часов утра в ботаническом саду будет показывать лекарственные и хозяйственные растения»⁵⁰. Гофман был замечательным лектором: в Гёттингенском университете его лекции слушали И.-В. Гёте и А. фон Гумбольдт.

⁴⁴ Головкин Б.Н., Кузьмин З.Е. Интродукция растений в датах, событиях и лицах (Очерки по истории интродукции растений). М., 2005. С. 53—54.

⁴⁵ Палибин Е. Императорский ботанический сад в Петербурге и его прошлое. СПб., 1898.

⁴⁶ См. подробнее: Описание ботанического сада е.с. графа А.К. Разумовского в Горенках близ Москвы // Журнал садоводства. 1859. Т. 8.

⁴⁷ См., например: Липский В.И. Императорский Санкт-Петербургский ботанический сад за 200 лет его существования (1713—1913). Ч. 1. СПб., 1913.

⁴⁸ Это была брошюра на французском языке; русский перевод за подписью Гофмана под названием «Объявление “Фитографического общества, учреждённого в Горенках”», а также «Постановление “Фитографического общества, учреждённого в Горенках”» на следующий год были опубликованы в журнале «Вестник Европы» (Programme de la Société Phytographique de Gorenki. Moscou, 1809; Липский В.И. Императорский Санкт-Петербургский ботанический сад... С. 299—305; Вестник Европы. 1810. № 10. С. 154—158).

⁴⁹ Гофман Г.-Ф. О ботанических врачебных садах... С. 25—26.

⁵⁰ Калиниченко И.М. Некоторые сведения о преподавании Г.-Ф. Гофманом ботаники в Московском университете // XII Московское совещание по филогении растений... С. 38—40.

Гофман проявил себя и как прекрасный организатор. О его первоочередных шагах в этом качестве в период до Отечественной войны 1812 г. можно узнать (помимо речи 1807 г. «О ботанических врачебных садах...») из его работы «Der botanische Garten zu Moskwa» (1811), изданной на электронном диске в библиотеке университета Георга-Августа⁵¹. При пожаре Москвы 1812 г. пострадал и Сад — погибли библиотека и архив Гофмана, были уничтожены оранжереи: «В бедственный сей для России год неприятелем истреблены были или частью и от лишения их попечения погибли все растения за исключением деревьев и строения много потерпев»⁵². По окончании Отечественной войны в университете значительно уменьшилось число иностранных профессоров, однако Гофман, эвакуировавшийся в Казань вместе с другими преподавателями, в 1814 г. вернулся в Москву.

Для восполнения утрат, обращаясь с прошением о ссуде «на покупку разной мелочи», Гофман докладывал, что «ни одна софа, ни одни стул, скамья, ни один инструмент не оставлены при разорении неприятелем»⁵³. О плачевном состоянии Сада после Наполеоновского нашествия Гофман сообщил в рапорте, представленном в канцелярию Московского учебного округа: «Одна часть заборов со стороны приходов Андрияна и Наталии во время бывшего при неприятеле всеобщего в Москве пожара вся сгорела; другая же часть — от колокольного завода тогда же неизвестно как растаскана; остальная же часть — с поля местами уцелела, как от пожара так и расхищения. Число уцелевших звеньев или прясел простирается до 85, в коих до 700 досок; да столбов заборных около 200, означенное количество материала готового может быть достаточно для обнесения заборами университетского двора с Моховой и Никитской улиц»⁵⁴.

В 1820 г. для исправления мостовых, тротуаров и заборов около Сада правление университета предписало осмотреть неисправности, после чего в рапорте попечителю Московского учебного округа кн. А.П. Оболенскому подробно информировало о мерах по благоустройству территории: «1. Для столбов вырыть ямы, в них ставить обожжённые столбы, расстоянием одни от другого не длиннее 6 аршин, а между оных столбов снизу положить по 2 бревна, в них врубить стойки. 2. Сварить цоколя, между столбов врубить для решёток брусья снизу по одному, а сверху по 2, и в них забирать выструганные из брусьев решётки. 3. Все оные столбы обшить со всех сторон выстроенным тёсом по выданной из комиссии фасаде»⁵⁵.

Для восстановления разрушенного хозяйства некоторая часть Сада, лежавшая пустопорожнею, была отдана внаём торговому садовнику. Впоследствии пришлось продать часть территории — «от 30 до 40 сажень по всему протяжению сада» (участки, выходившие на нынешние Мещанскую улицу, на Безбожный и Ботанический переулки), отчего площадь его, до того составлявшая «1 136 000 футов или 7 десятин и 795 сажень», «уменьшилась едва ли не вполовину»⁵⁶.

Однако уже в описании 1826 г. указывалось, что Сад «составляет важное пособие как для бот[аничес]ких лекций при Университете, так и вообще для любит[елей] ботаники; а густые его аллеи и цветники служат приятным местом

⁵¹ См.: *Леонов М.В.* О малоизвестных источниках... С. 22.

⁵² ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 8, д. 4, л. 11.

⁵³ Там же, ф. 459, оп. 1, т. 1, д. 237, л. 1.

⁵⁴ Там же, д. 76, л. 5.

⁵⁵ Там же, д. 1412 (1820), л. 4—15.

⁵⁶ Там же, ф. 418, оп. 8, д. 4, л. 11 об.

для прогулки москов[ской] публики»⁵⁷. К 1853 г. Сад реконструировали, причём часть, предназначенная для посетителей, была «отделана... в английском вкусе», тогда как другая, отведённая «исключительно для науки, т.е. ботанич[еских] растений», имела регулярную планировку и подразделялась на три квадратных участка: для «однолетних цветковых растений», «долголетних», а также для деревьев и кустарников⁵⁸.

В течение XIX в. коллекции и гербарий Сада разрастались за счёт новых приобретений, в том числе купленных «при распродаже по смерти графа А.К. Разумовского растений из уничтоженного горенского сада за 1 000 р[уб]. заимообразно из экономических сумм университета, по распоряжению начальства отпущенных и впоследствии уплаченных из вырученных за продажу дерев из питомника». Коллекции растений пополнялись разными способами, в том числе — и за счёт поступлений из-за границы. Как указывал А.Г. Фишер фон Вальдгейм, «сначала сад получал приращения из садов: горенского, гёттингенского, берлинского, от г.г. Адалиса, Стевена; ныне преимущественно из... гамбургского, дрезденского, венского и женеvского»⁵⁹.

Важный источник пополнения фондов — дубликаты и излишки, которые стали поступать из Санкт-Петербурга⁶⁰. Расширение тамошних оранжерейных коллекций происходило не только благодаря обмену с другими садами, но и в результате собственных экспедиций в тропические страны. В первой половине 1830-х гг. в Рио-де-Жанейро действовал филиал Санкт-Петербургского ботанического сада, который заготавливал и отправлял в Россию не только семена, но и живые растения⁶¹.

В 1824 г. директор Санкт-Петербургского ботанического сада профессор Ф.Б. Фишер (до 1822 г. руководивший садом Разумовского в Горенках) отправился в Англию для покупки там «ботанических живых хороших и редких растений». 50 тыс. руб. ассигнациями, выделенные для этих целей, следовало использовать «на покупку растений в садах Германии до 10 тысяч, в Париже до 15 тысяч и в Лондоне до 25 тысяч, включая тут издержки за доставление растений к портам, из коих они отправятся в Россию, и укладку их»⁶². Миссия в Пекине в 1830 г. получила инструкцию: «все сухие растения, которые будут доставляемы сюда из Китая, а равно и собираемые по распоряжению правительства в других отдаленных странах, присылать в Ботанический сад» в Санкт-Петербурге, «который двойные растения будет доставлять в прочие учебные заведения»⁶³. Часть растений отправлялась и в Сад Московского университета.

Если в 1826 г. в нём насчитывалось 2 500 растений, из которых самые редкие были приобретены в Горенском саду, то в 1854 г. — уже «7 275 видов и разновидностей со многими дубликатами». Динамика поступлений была такова: «В 1827/8 г. от г. Фишера из С[анкт-]Петербургского Ботанического сада по-

⁵⁷ Указатель Московского Императорского университета. Краткое описание кабинетов и других заведений, находящихся при университете, с показанием всего достопримечательного в оных. М., 1826.

⁵⁸ ЦГА Москвы, ф. 459, оп. 2, т. 1, д. 1859 (1853).

⁵⁹ Там же, ф. 418, оп. 8, д. 4, л. 11 об.

⁶⁰ См.: Голиков К.А. Первый Ботанический сад // Родина. 2006. № 5. С. 84—86.

⁶¹ Соколов С.Я. Ботанический сад и его интродукционная и культурно-просветительская работа // От Аптекарского огорода до Ботанического института. М.; Л., 1957. С. 216—240.

⁶² АВПРИ, ф. 1, оп. II-21 (1824), д. 3, л. 2—3.

⁶³ Там же, оп. III-14 (1830), д. 5, л. 1.

лучено 70 пород растений. В 1828/9 г. от него же и от Ледебура ещё семена алтайских растений, им вновь открытых; от Пизанского профессора Сави семена растений итальянских; в 1833/4 г. — из Императорского С[анкт-]Петербургского сада присланы семена 75 растений закавказских и забалканских, и 100 растений Южной Сибири от Н.С. Турчанинова... В 1836 г. из Франкфуртского сада присланы семена 326 видов растений... от А.В. Рихтера 100 видов итальянских растений... Из сада Медико-хирургической Академии, по причине его уничтожения, поступило 160 растений и из С[анкт-]Петербургского сада 75 видов, новых для Московского... В 1845 г. из Киевского университетского сада прислано семян 249 видов... Живых пальм куплено 14. В 1848 г. из Киев[ского] Унив[ерситетского] сада получено 134 вида семян... В 1850 г. сношения с С[анкт-]Петербургским садом, Дерптским, Киевским были весьма деятельны. В 1853 г. семян прислано из Киева 165 видов... В 1854 г. семян С[анкт-]Петербургского сада 216 в[ид], из Дерпта — 219 в[идов], из Киева 186 в[идов]... Японских растений куплено 75»⁶⁴.

Наличие представительных коллекций растений позволяло проводить на базе Сада исследования по ботанике. Ещё в XVIII в. заметный вклад в его становление как научного учреждения внесли руководившие им немецкие ботаники: в 1735 г. — выпускник Лейпцигского университета, доктор медицины Т. Гербер, а спустя полвека (после того как упраздненная должность директора Аптекарского огорода в 1786 г. была восстановлена) — доктор медицины, философии и права Ф.Х. Стефан, первый директор ботанического сада Разумовского в Горенках. Он также был профессором химии и ботаники в Медико-хирургическом училище, и, как и Гербер, вёл флористические исследования: его перу принадлежит первая напечатанная «Московская флора» (1792)⁶⁵.

Почти столетний доуниверситетский этап истории Сада (1706—1805) соответствует «натуралистическому» периоду развития отечественной ботаники⁶⁶. Труды Гербера и Стефана в этот период не только развивали традиционный метод работы ботанических садов — интродукцию (введение в культуру) растений (преимущественно лекарственных), причём не только местных, но также растений из других регионов России, но и заложили основу изучения флоры и растительности Европейской России — направления научных исследований, ставшего впоследствии традиционным для Сада Московского университета⁶⁷. Гофман так акцентировал это качественное изменение: «Ежели кто думает, что сие обрабатывание и усовершенствование садов служит только для врачебной и экономической пользы, то его суждение несправедливо. Оно столько способствует к образованию ума, к мудрости небесной и земной... ничто так не возбуждает дух к мудрствованию, как частое обращение в садах»⁶⁸.

Гофман был крупным европейским учёным в области тайнобрачных (по классификации К. Линнея — растений, не имеющих цветков), в особенности лишайников. Его исследования в этой сфере не потеряли своего значения и до настоящего времени. Гофман первым обратил внимание на возможность

⁶⁴ Шевырёв С.П. История Императорского Московского университета... С. 529—531.

⁶⁵ Петров В.А. Первые этапы развития ботаники... С. 259—268.

⁶⁶ Камелин Р.В. Систематика сосудистых растений в России (вехи истории) // Ботанический журнал. Т. 85. 2000. № 6. С. 2—18.

⁶⁷ Ботанический сад Московского университета... С. 6.

⁶⁸ Гофман Г.-Ф. Речь о ботанических врачебных садах... С. 28—29.

хозяйственного использования лишайников в качестве корма для животных и источника получения красителей.

Сочинения Гофмана написаны преимущественно на латыни. Некоторые из них он, с детства увлекавшийся музыкой и рисованием, иллюстрировал сам⁶⁹. В Москву Гофман привёз большую библиотеку и ценнейшую коллекцию растений, которые стали основой обучения студентов и научных исследований на кафедре ботаники. В 1814 г. он опубликовал монографию «*Genera plantarum Umbelliferarum*» («Роды зонтичных растений»; в 1816 г. вышло второе издание), высоко оценённую современниками и положившую начало сциадографии — отрасли ботаники, занимающейся изучением представителей этого семейства растений. В данной работе описаны 22 новых рода и 96 видов, 14 из которых сохранились в современной номенклатуре. Неслучайно известный отечественный ботаник Б.М. Козо-Полянский назвал Гофмана «Линнеем зонтичных»⁷⁰.

Огромное значение не только для ботанического образования, но и для популяризации ботаники (в том числе и за пределами Германии) имел труд Гофмана «*Deutschlands Flora*» («Флора Германии»), впервые изданный в 1795 г. в Эрлангене и ставший одним из первых полевых определителей растений того времени. К сожалению, подготовленная Гофманом уже в Москве в 1811—1812 гг. рукопись третьего издания погибла. По счастью, уцелела его гербарная коллекция, поскольку она хранилась не в доме профессора в университете, а в московской Военной медико-хирургической академии, где он также читал лекции. Уцелела и часть гербарных коллекций, вывезенная из Москвы в Нижний Новгород.

Гербарий Гофман начал собирать ещё в Гёттингене; там же он приобрёл коллекции своих предшественников по университетской кафедре — А. фон Галлера (A. von Haller) и И.А. Муррея (J.A. Murray), а также коллекции И.Р. и И.Г. (отца и сына) Форстеров (J.R. & J.G. Forster), собранные ими во время второго кругосветного путешествия Дж. Кука (1772—1775), и гербарий Я.Ф. Эрхарта (J.F. Ehrhart) — ученика и друга К. Линнея, содержавший несколько линнеевских образцов. Это последнее собрание, отмечал М.А. Максимович, «может похвастаться классическим, ибо составлено большей частью в Упсале, под руководством самого Линнея»⁷¹.

В Москве Гофман не только продолжил собирать гербарий, но и приобрёл коллекции других ботаников. В каталоге «Гербарий Московского университета, изложенный для общественной пользы по системе Линнея» (изданном в двух частях в 1824—1825 гг.)⁷², перечислены образцы дикорастущих растений, «полученных от тех [людей], которые их собирали на месте: сибирских — от Палласа; кавказских, таврических, грузинских — от Биберштейна, Стевена и Адамса;

⁶⁹ Например, рисунки к трёхтомному труду «*Plantae Lichenosae. Descriptio et adumbratio plantarum e classe cryptogamica Linnaei qua lichenes dicuntur*» («Лишайниковые растения. Описание и изображение растений из класса таинобрачных Линнея, называемых лишайниками»), вышедшему в 1790—1801 гг., Гофман выполнил собственноручно.

⁷⁰ Пименов М.Г. Систематика зонтичных в преддверии 200-летия «*Genera plantarum Umbelliferarum*» // XII Московское совещание по филогении растений... С. 25—28.

⁷¹ Максимович М.А. Жизнь московского профессора ботаники Г. Гофмана // Новый магазин естественной истории, физики, химии и сведений экономических, издававшихся И. Двигубским. Ч. 1. М., 1826. № 4. С. 238—256.

⁷² Hoffmann G.F. Herbarium vivum sive collectio plantarum siccarum Caesariae Universitatis Mosquensis publicae utilitatis causa in ordinem secundum Systemam Linnaeanum digessit. V. 1. М., 1824; V. 2. М., 1825.

капских — от Тунберга; венгерских — от Китайбея; итальянских, швейцарских и австрийских — от Сибера, Поллиха и других; американских — от Шварца и проч.». В 1823 г. Московский университет приобрёл у Гофмана гербарий (12 тыс. растений) за 7 тыс. руб.

К концу жизни директора Сада университетский гербарий включал более 20 тыс. образцов. В 1843 г. в университет из упразднённой Медико-хирургической академии был передан гербарий Гофмана, включавший наряду с его собственными сборами коллекции мировой флоры ботаников XVIII в. (преимущественно учеников или ближайших соратников Линнея). Сохранившиеся экземпляры собрания Гофмана являются ныне одними из наиболее ценных материалов Гербария МГУ⁷³.

В речи «О судьбе и развитии гербарного дела, прежде всего в Российской империи», произнесённой 4 июля 1823 г. на годичном торжественном собрании Московского университета⁷⁴, Гофман продемонстрировал отличное знание латинского языка и изящество слога⁷⁵. В этой речи сделан исторический экскурс о ботанике в древности — у евреев, египтян, греков и римлян — и упоминаются раритеты растительного мира⁷⁶.

Труды Гофмана были хорошо известны в России; в 1822 г. он награждён орденом Св. Анны 2-й степени. Многие зарубежные и отечественные научные общества избрали его своим членом. Г.-Ф. Гофман умер в Москве 5 марта 1826 г. и похоронен на Введенском (Немецком) кладбище. Хотя его могила была утрачена, вероятно, ещё до революции, сохранились захоронения его дочери Натальи Григорьевны (1810—1883) и внука⁷⁷. С 1828 г. книжная коллекция Гофмана по естественной истории находится в Научной библиотеке Московского университета. В его честь назван род растения «*Hoffmannia*», который в 1788 г. описал шведский ботаник П.У. Сварц (Р.О. Swartz)⁷⁸.

Как отмечал К.И. Мейер (директор Ботанического сада Московского университета в 1940—1948 гг.), история Сада после его вхождения в состав университета (1805) и проведённой Гофманом реорганизации по образцу современных европейских ботанико-медицинских коллекций «есть в сущности история московской “описательной” ботаники, которая зародилась в Ботаническом саду и имела в нём свою научно-исследовательскую и научно-педагогическую базу»⁷⁹.

Флористическое направление исследований развивал сменивший Гофмана на посту директора его ученик Михаил Александрович Максимович (1804—1873) — один из первых русских эволюционистов, разносторонне образованный учёный⁸⁰. Максимович известен не только как ботаник, но также как эт-

⁷³ См.: Гербарий Московского университета (MW): история, современное состояние и перспективы развития / Под общ. ред. С.А. Баландина. М., 2006.

⁷⁴ См.: *Hoffmann G.F.* De Fatis et Progressibus Rei Herberiae, imprimis in Imperio Rutheno. Oratio in Sollenibus anniversaries Caesareae Universitatis Mosquensis habita. D. 4 Jul. a. 1823. М., 1823.

⁷⁵ Максимович М.А. Жизнь московского профессора...

⁷⁶ Речь Гофмана на русском языке см.: Гофман Г.-Ф. О распространении ботаники в России // Вестник Европы. 1823. № 3. С. 74—80.

⁷⁷ Леонов М.В. О малоизвестных источниках... С. 24.

⁷⁸ The Global Biodiversity Information Facility (URL: <https://www.gbif.org/species/2895112> (дата обращения: 29.11. 2018)).

⁷⁹ Мейер К.И. Ботанический сад // Учёные записки МГУ. Юбилейная серия. Вып. LIII. Биология. С. 332—333.

⁸⁰ См.: Базилевская Н.А., Мейер К.И., Станков С.С., Щербакова А.А. Выдающиеся отечественные ботаники. М., 1957.

нограф и литератор. В молодости он выступал как поэт и литературный критик, публиковался в журналах «Московский телеграф», «Телескоп» и других. В 1833 г. он стал действительным членом Общества любителей российской словесности, в 1858—1859 гг. — его секретарём. Максимович ввёл ряд русских биологических терминов, актуальных и сегодня: «особь», «завязь», «клетка», «межклетники», «початок», «росток», «растительная ткань», «семянка», «сложноцветные», «губоцветные».

Сфера его ботанических интересов охватывала не только флористику и систематику, но также экологию и морфологию растений. Представленная им в 1827 г. в качестве магистерской диссертации монография «О системе растительного царства»⁸¹ впервые была написана по-русски, хотя традиционно подобные работы выполнялись на латыни. В 1833 г. Максимович был утверждён ординарным профессором ботаники, но менее чем через год перешёл на работу во вновь основанный Киевский университет ординарным профессором... русской словесности, а вскоре стал его первым ректором.

Впоследствии возглавлявшие Сад ботаники развивали и диверсифицировали направления его научной работы. А.Г. Фишер фон Вальдгейм, сменивший Максимовича на посту директора, изобрёл «панкреатический» микроскоп для анатомических исследований. Ряд конструктивных преимуществ по сравнению с существовавшими аналогами (возможность получать прямое изображение предметов, менять увеличительные стёкла в широком диапазоне, измерять объекты с высокой точностью — до тысячной доли миллиметра — при помощи специального окулярного микрометра) принесли изобретателю заслуженную награду: А.Г. Фишер фон Вальдгейм и французский оптик В. Шевалье, в 1839 г. изготовивший прибор, были удостоены высшей награды Парижского Атенеев искусств и Золотой медали МОИП.

В XVIII — первой половине XIX в. формировалась русская ботаническая терминология, что создало необходимые предпосылки для развития отечественной описательной морфологии растений. С 1830—1840-х гг. как в отечественной, так и в мировой ботанической науке начинают применяться новые методы — сравнительный и онтогенетический, что обусловило развитие новых научных направлений: сравнительной морфологии, микроскопической анатомии, эмбриологии, географии растений, в разработку теоретических проблем которых существенный вклад внесли отечественные учёные. Хотя в додарвиновский период теоретическая ботаника в России в значительной степени развивалась под влиянием К. Линнея, уже к 1840-м гг. эволюционные представления разрабатывались в трудах А.Н. Бекетова и М.А. Максимовича.

Во второй половине XIX в. стали проводиться не только флористические и систематические, но также сравнительно-морфологические исследования, что позволило со временем превратить «Аптекарский огород» с сугубо прикладными функциями заготовки лекарственного сырья для нужд армии в Ботанический сад Московского университета — современный научно-исследовательский и культурно-просветительский центр. Основы этого были заложены в первые две трети XIX в. — период становления Сада как научного ботанического учреждения после его вхождения в состав Московского университета. Большая заслуга в этом принадлежит первому директору Сада Гофману.

⁸¹ Максимович М. Основания ботаники. В 2 ч. Ч. 1. М., 1828; Ч. 2. М., 1831; Максимович М. О системе растительного царства. М., 1823.

Таким образом, Ботанический сад — составная часть процесса создания научных школ Московского университета, и, шире — процесса становления российской науки. В XVIII — первой половине XIX в. выработка и передача научных знаний в России во многом осуществлялась благодаря адаптации европейских традиций организации науки усилиями как русских, так и иностранных учёных, что создало предпосылки для расцвета отечественной науки во второй половине XIX — XX в., в том числе ботаники.

Максимович, который, как и Гофман, был прекрасным оратором, в актовой речи «О русском просвещении», произнесённой на торжественном собрании Московского университета 12 января 1832 г., подчёркивал неразрывную связь и преемственность времён отечественной истории: «Мы любим *наше прошедшее* (курсив мой. — К.Г.), ибо оно было и дало нам бытие наше. Мы любим украшенное надеждами и воспоминаниями *наше настоящее*, ибо в нём хранится наша будущность. Мы любим *наше будущее*, ибо оно должно улучшить и возвысить наше настоящее, — должно раскрыть хранящиеся в Русской земле золотые таланты для славы России и пользы человечества. Таким образом отдалённая идея человечества сливается с близкою к нам любовью к отчизне»⁸².

⁸² Максимович М. О русском просвещении. Речь, говоренная в собрании Московского университета 1832 г., января 12. De studi historiae naturalis dignitati // Речи и отчёты Московского университета. М., 1832. С. 168—190.